

ГОГОЛЕВСКИЙ Ноздрев, как все помнят, был «в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выводят его под руки из зала жандармы, или принуждены бываю вытолкать свои же приятели. <...> Может быть, назовут его характер избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане...»

В другом «кафтани», пиджаке, смокинге, куртке, пальто или длинном плаще, но «исторический человек», действительно, между нами. Но не узнаем его, потому что не перечитываем Гоголя и других классиков отечественной словесности, даже готовясь к юбилейным датам и рассуждая о бессмертии их творений.

И, уподобляясь одному чеховскому герою, готовы признать, что слышали, например, про Салтыкова-Щедрина, но вот о чем он написал в своих «Сказках» или «Истории одного города», Бог его знает. Правда, и сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин полагал, что последующие поколения не смогут обойтись без специальных комментариев к его «Губернским очеркам», «Пошехонской старине», «Современной идилии», «Письмам о провинции», называл себя «летописцем минуты».

С.А.Макашин, замечательный исследователь жизни и творчества Салтыкова-Щедрина, много лет назад задавался вопросом: отчего, признавая гениальность автора «Господ Головлевых», ХХ век не читает его. Поколение за поколением чтят имя, но не знают творений. Ученному казалось, что все дело в острой злободневности созданий Салтыкова-Щедрина, вписанных в свою эпоху, и еще в нашем невежестве, потому что без знания реалий прошлого воспринимать этого писателя трудно. А также потому, что Салтыков-Щедрин «слишком беспокойный, колючий писатель».

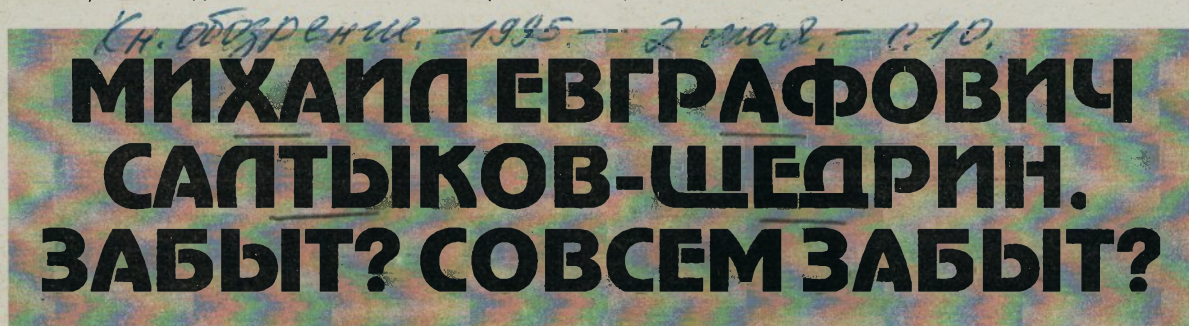
ВСЕ здесь верно: и слиянность Салтыкова-Щедрина со своим временем, и наша нелюбознательность, равнодушие к отечественной истории, и резкость щедринской критики, и резкая самолюбие читателя. И все-таки? Не до такой же степени отождествляет себя читатель с героями Салтыкова-Щедрина, чтобы обидеться на него навеки. И бытование в общественном сознании образа, например, Иудушки Головлева, давным-давно доказало подлинное бессмертие художественных созданий писателя, их вечный, общемировой характер.

Но вот что касается скудости наших исторических знаний и забвения классики, что правда, то правда. Иначе многое и многие были бы понятнее в современной жизни, перечитай мы только «Историю одного города», вдумайся в текст этой необыкновенной «летописи» русской жизни, в знаменитый, например, «принцип свободного сечения», положенный в основу глуповской старины, которую некоторые исследователи глуповской истории соблазнились объявить конституционной, либеральной.

А чего стоит замечательная практика глуповского начальства, то есть администрации, по одолению эпидемий и прочих напастей: сначала создать комиссию, потом непременно написать проект, затем разослать во все места рапорты о выполнении того, что не выполнялось, и на этом успокоиться до следующего чрезвычайного происшествия.

Если бы все, кто сегодня все поминает слова «цивилизация», «цивилизированное государство», «цивилизированные приемы», перечитал главу «Войны за просвещение», о походах Бородавкина, и вообще об обращениях градоначальников с цивилизацией, то, может быть, остереглись бы бездумного применения этих слов.

Когда с экранов телевизоров, с парламентской трибуны сегодняшние градоначальники называют экономический кризис переходной формой, значительным шагом к грядущему благополучию, так и слышится разглагольствования глуповского начальства о «настоящем процветании», так и видится все тот же

«административный бег», и то самое состояние отечества, когда, по словам Салтыкова-Щедрина, царит «сумрак законов», а глуповцы не то смеются, не то плачут, и живет на огромных просторах «ошеломленный народ».

Зачем, допустим, задавать на улицах или по телефону странные вопросы, выявляя любовь населения к правителю. М.Е.Салтыков-Щедрин все объяснил на этот счет: «Несмотря на непреодолимую твердость, глуповцы — народ избалованный и до крайности избалованный. Они любят, чтоб у начальника на лице играла приветливая улыбка, чтобы из уст его, по временам, исходили любезные прибаутки, и недоумевают, когда уста эти только фыркают или издают загадочные звуки. Начальник может совершать всякие мероприятия, он может даже никаких мероприятий не совершать, но ежели он не будет при этом калякать, то имя его никогда не делается популярным».

ЛЮБИТЕЛИ «покалякать» с населением на Руси не переводились и не переводятся. Особенно, когда появляется возможность стать начальником, попасть в парламент, в местную Думу. Правда, потом, после выборов, «каляканье» стихает. Наверно, потому, что в Думе начальники «думают». И придумывают, как, например, придумал глуповский градоначальник Двоекуров, — засеять все поля горчицей и употреблять ее обязательно всем и повсеместно. «Но глуповцы тоже были себе на уме. Энергии действия они с большою находчивостью противопоставили энергию бездействия. ... Очевидно, что когда эти две энергии встречаются, то из этого всегда происходит нечто весьма любопытное». Что именно? То, что можно назвать «неглотанием таракана»: «Бывало, попадет барыне таракан в супе, призовет она повара и велит того таракана съесть. Возьмет повар таракана в рот, видимым образом жует его, а глотать не глотает. Точно так же было и с глуповцами: жевали они довольно, а глотать не глотали».

Всем, кто сегодня ищет слов пообиднее и похлеще, чтобы обозвать русский народ, незачем так уж хлопотать, а потом лукаво извиняться. Назвав город Глуповым, а пригород Полоумновым, слободы — Навозная, Болотная, Негодница, деревни — Голодаевка, Недоедово, М.Е.Салтыков-Щедрин высказался куда резче и прямее. Но

при этом уточнил однажды: «Не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей».

Этот порядок он исследовал во многих произведениях. Одно из них так и называл: «Признаки времени». Тут и «умеющие жить», процветающие в смутные времена: «Тот приобрел многоэтажный дом, другой — стянул целую железную дорогу, третий — устроил свою служебную карьеру, четвертый — отлично женился, пятый — набрал денег и бежал за границу...». Тут и «легковесные», которые «без сведений, без приготовления, с одною развязностью» бросаются в пучину деятельности: «Тут тянем, там ляпнем... И вот, при помощи этого бесценного свойст-

ва, в целой природе нет места, в котором мы бы чего-нибудь не натяпали».

Он назвал это время «пестрым»: «Пестрое время, пестрые люди. Оттого и жить трудно стало; не на кого положиться, не во что верить; везде шатание, пустодушие, пестрота. <...> Дурное, спутанное время. Проворовались людишки, остатки совести потеряли».

Но обращаясь к Разуваевым, этим «новым русским» конца прошлого века, Салтыков-Щедрин в горьких своих заметках «Убежище Монрепо» не метал громы и молнии, не проклинал их, но пробивался к разуму: «Я взялся за перо не с тем, чтобы протестовать. Я только намерен высказать несколько благожелательных соображений, которые, по мнению моему, вам, новоявленным столпам, в видах собственной пользы, не лишнее было бы принять к сведению».

И начал он с вопроса: «Отвечь, Разуваев! Знаешь ли ты, что такое отечество? <...> Ведь ты грядешь с тем, чтоб играть роль, ты даже в обыкновенных книгах в графе «чем занимается» отмечен: «дережирующий класс» — надо же, чтоб ты понимал, что именно разумели наши предки, говоря: земля наша велика и обильна, но порядку в ней нет. Но сверх того, я и не для тебя одного пишу. Помимо тебя, на свете существуют легионы вертопрахов, которые слишком охотно говорят о прекращении и вовсе не думают о том, что отечество не прекращать, а любить надлежит. ... Знай, Разуваев, что только народы веселые и хороводолобивые к объегориванию ласковы; народы же угрюмые, узаконениями непосильно изнуряемые даже для самых изобретательных кровопивцев дают мало пищи. Отданные в жертву унылости, они безмолвно изнемогают без малейшей надежды когда-нибудь нагулять приличное тело. Кости да кожа — поистине с такого одра больше двугривенного и ожидать нельзя! Это не я говорю, а история. <...> Тебе, Разуваев, предстоит столбовать в такое время, когда даже и мелкоте приходит на ум: а что, ежели этот самый кус, который он к устам подносит, взять да вырвать у него? И вырвут — не сомневайся, а тебя произведут в пропащие люди, и все это произойдет тем легче, что на твое место давно уж сам себя наметил новый столп: содержатель дома терпимости Ротозеев... Вот сколько вас там, в щелях, притаилось... столпов! Одним словом, любви отечество — и верь, что убытка не будет».

ВСЕГОДНЯШНИХ спорах о реформах, об утерянном и грядущем, слово М.Е.Салтыкова-Щедрина, человека, не принадлежавшего ни к одной партии, всегда горящего правду, вызывавшего любовь и ненависть современников, очень важно. Он мечтал быть услышанным, но и сам, в отличие от многих нынешних проповедников и обличителей, умел слушать свое время и голоса жизни. Его обвиняли в равнодушии, в отсутствии патриотизма, кого он называл «русскими иезуитами»: «Это — люди необыкновенно злые, мстительные, снабженные вонючим самолюбием и злою, долго задерживающей памятью. <...> Если они с

таем: «Всегда эта страна представляла собой грудь, о которую разбивались удары истории. Вынесла она и удельную понозовщину, и татарскую, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительное озорство и закрепощение». И что же? «Все выстрадала и, за всем тем, осталась загадочною, не выработав самостоятельных форм общежития. А между тем, самый поверженный взгляд на карту удостоверяет, что без этих форм в будущем предостит мучительное умирание...».

Современникам эти мысли и соображения Салтыкова-Щедрина казались несвоевременными. Он был нехорош и для апологетов смирения, и для энтузиастов рационального подхода к жизни. На него косились «хищники», терявшие голову в угаре накопительства, и обижались «фоганы», простаки, верившие любым посулам и обещаниям, но не доверявшие здравому смыслу. На него сердились псевдокультурные люди, потому что это Салтыков-Щедрин сказал, что они не знают, чего хотят: «не то конституции, не то севрюжины с хреном».

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ все-таки ХХ век, сегодняшняя эпоха, склонная издавать и читать разнообразные энциклопедии по всем отраслям науки и наследию замечательных людей, оставляет без внимания «Критическую энциклопедию русской жизни»? Так назвал один из современников «Сказки» Салтыкова-Щедрина, а можно было бы назвать все его творчество.

Почему за действительно «колкими» словами Салтыкова-Щедрина не прочтываются те, как он сам их назвал, «забытые слова», над которыми он думал всю жизнь. О совести. О стыде. О чести. Об отечестве.

Когда писателем не стало, молодой Чехов написал Плещееву: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, изможденничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения».

Никто с тех пор не проверг ни искренности презрения Салтыкова-Щедрина, ни искренности его любви к России. Но разделить его удел охотников не много нашлось в ХХ веке: «Болит сердце, болит, но и за всем тем всеминутно к источнику своей боли устремляется». Так жить? Так писать? Опасно. Невыгодно. Чревато. Страшно. Тяжело. Глупо.

МОЖНО жить и писать иначе. Так, как однажды Салтыков-Щедрин представил в «Убежище Монрепо», перечислив безопасные темы и сюжеты: «Итак, я мечтал. Мечтал и чувствовал, как я умираю, естественно и непотыдно умираю. В первый раз в жизни я наслаждался сознанием, что ничто не нарушит моего вольного умирания, что никто не призовет меня к ответу и не напомнит о каких-то обязанностях, что ни одна душа не потребует от меня ни совета, ни помощи, что мне не предстоит никому спать, об чем-то беседовать и что-то предпринимать, что ни один орган книгопечатания не обольет меня помоями свердловского. Одним словом, что я забыт, совсем забыт».

Он так не жил, так не писал. И неужели забыт? Совсем забыт?